

АЛЕКСАНДР ТЮРИН

*Петербург на границе
цивилизаций*

ПАЛЬМИРА
РУГРАМ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 5

УДК 821.161.1+908
ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург)
Т98

Тюрин, А.

Т98 Петербург на границе цивилизаций / Александр Тюрин. — М. ; СПб. : «Руграм» / «Пальмира», 2025. — 463 с. — (Серия «Северная Пальмира»).

ISBN 978-5-524-02191-5

Книга предлагает нестандартный взгляд на историю Северной столицы, выходящий за рамки традиционного краеведения. Автор анализирует сложную совокупность факторов, определивших специфику города, включая географию, климат, развитие культуры и государственной системы, раскрывая особую роль Петербурга — как узловой точки российской идентичности, символического рубежа, где пересекаются и сталкиваются русская и западная цивилизации.

Повествование охватывает ключевые эпохи: от древних времен (торговые пути «из варяг в греки», противостояние балтийских славян и германских народов) до имперского периода, когда Петербург стал центром реформ и интеллектуальных поисков. Особое внимание уделяется советской эпохе — индустриальному рывку, трагедии блокады Ленинграда и послевоенному возрождению.

Издание позволяет проследить связь локальной истории с цивилизационными трендами, показывая, как Петербург не только отражал, но и формировал путь России: от заимствований у Запада до нахождения собственной модели развития. Сочетающее научную глубину с доступным изложением, оно будет интересно не только историкам и культурологам, но и всем, кто хочет понять, как складываются судьбы городов и народов.

УДК 821.161.1+908
ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург)

© Тюрин А. В., 2025

© Оформление.

ООО «Руграм»,

АО «Т8 Издательские технологии», 2025

ISBN 978-5-524-02191-5

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга не посвящена краеведению, здесь читатель не найдет сведений, что произошло в доме номер пять по улице Горюховой, на третьем этаже, в 1899 году. Эта книга о сущностях и смыслах, о той роли, которую Петербург, бывший большую часть своей истории имперской столицей, исполняет на арене борьбы и взаимодействия цивилизаций.

Петербург находится на границе страны, народа, геологических формаций — Балтийского щита и Русской плиты, суши и моря, изотерм, зоны сурового континентального и мягкого морского климата. С одной стороны, это город, с помощью которого русская цивилизация, порожденная континентальным климатом и просторами северной Евразии, пробивается к мировому океану. С другой — западная цивилизация, ведомая циклами накопления капитала и находящаяся на пике колониальной экспансии, пытается через него проникнуть в евразийский хартленд.

Эта двойственность и порождает постоянное духовное напряжение, идеологические эпидемии, патологии общественной психологии, которые столь характерны для Петербурга.

Россия, будучи единственным успешным государством северной Евразии, которое однако задержалось в своем технологическом развитии из-за тяжелых климатических и геополитических условий, выступает в роли ученицы у богатого на всякие кунштюки Запада. Учиться ее заставляет Петр Великий, понимающий, что без этого не получится отстоять ее от колонизации и расчленения теми самыми европейскими державами — даже

ближайшая Швеция многократно превосходит ее в военной, морской и индустриальной мощи. Но дядюшка учитель оказывается насильником и растлителем.

О Петербурге сложилось столько мифов, легенд, недостоверных исторических концепций — как ни об одном другом городе Земли. Париж и Лондон с их катакомбами, призраками и маньяками безнадежно проигрывают. В то же время зачастую люди не знают очевидных вещей, открывающих подлинную значимость Петербурга и петербургского региона в истории нашей цивилизации.

Правда ли, что именно здесь начиналась Русь и что русские поселения на его территории намного старше, чем принято считать? И был ли он «приютом убогого чухонца» до своего официального основания. Как произошла замена местного населения во время шведской оккупации — кто и почему бежал от «цивилизованной» Европы. Как долго шла вооруженная борьба со шведами и прочими европейцами на этом участке русского фронта. Почему Петр решил обручить Россию с морем именно здесь? Можно ли было построить Петербург без трудовой мобилизации? Как получилось, что Петербург стал первым крупным городом, построенным по плану, и самым большим городом, многократно превосходящим все населенные пункты на 60-ой параллели и севернее, во всем мире. Правда ли, что дуэль Пушкина была политическим убийством русского гения и страшным ударом по пробуждающемуся русскому самосознанию? И был ли Петербург таким уж мрачным, каким он описан в романах Достоевского? Почему в Петербурге было так много «лишних людей», считающих себя элитариями, однако не нашедших себе места и одержимых жадой разрушения? И какой огромный урон они нанесли городу в начале и конце XX века.

Был ли Петербург городом с самым большим немецким населением за пределами собственно Германии и Австрии, *ist das wahr*? И почему еврей с таким упорством уничтожал самый западный город России. Миф о Сталине, который якобы хотел выморить город, воспользовавшись блокадой. Мог ли Ленинград капитулировать? И немецкие документы, опровергающие это.

Мнимое «добросердечие» Маннергейма — на самом деле, финские лахтари убили в Ленинграде столько людей, сколько сумели убить.

Петербург — всегда город борьбы, столкновения разнонаправленных сил. Не потому ли он рождает и рождает как разрушителей, так и созидателей, мыслителей, замечательных писателей, живописцев, композиторов, первопроходцев, ученых, изобретателей и даже святых, так что никакой иной российский город с ним не сравнится, включая Москву. А противостояние или, скажем, конкуренция Петербурга и Москвы — реальна ли она, какую роль сыграла в истории нашего отечества?

Книга о Петербурге неизменно становится и книгой о стране, которую он столько раз перестраивал, пока был столицей.

И, может быть, читатель, вдохновленный этой книгой, попробует услышать, что и на каком языке сказал человек, который вступил на землю будущего Петербурга более 1200 лет назад и дал начало нашему государству. Возможно, посмотрит глазами дозорного на свейский ледунг, плывающий в устье Невы. Будет вместе с Петром продумывать план освобождения Приневья от такого сильного противника, как Швеция, которая недавно вздула нас у Нарвы, а в ходе Тридцатилетней войны разорила пол-Европы. Заинтересуется, как брали на abordаж шведские корабли, явившиеся в устье Невы — и что для этого нужно? И прочувствует, как в тридцатиградусные морозы зимы 1941-го года русская пехота спасала Ленинград от второго блокадного кольца.

Наконец, Петербург будущего. Каков он? Несомненно, как и триста лет назад, участок фронта, где продолжится противостояние цивилизаций, но и узел, где сойдутся трансевразийские пути, соединяющие страны и народы.

Как рассчитывает автор, данная книга свяжет в рамках цивилизационного подхода локальную историю города, историю русской цивилизации и историю ее взаимодействия с другими цивилизациями.

Петербург до своего рождения

ПРЕДПОСЫЛКИ. РУСЬ МОРСКАЯ И РУСЬ ЛЕСНАЯ

Природно-климатические факторы во многом определяют начальные и граничные условия построения культур и цивилизаций. Географические атласы свидетельствуют о том, что граница исторической России, русской северной цивилизации, проходит по изотерме января минус 8° и о том, что большая часть её территории уже около 500 лет находится за изотермой января -20° . В то время как Западная цивилизация в античное время не могла преодолеть границу изотермы января 0° , лишь в позднее средневековье пересекла январскую изотерму -4° , и только с индустриализацией, железными дорогами и накоплением огромных финансовых средств от эксплуатации колоний стала забираться в пределы изотермы января -8° . Притом стараясь держаться неподалеку от незамерзающих океанических вод, что обеспечивали дешевую круглогодичную транспортировку грузов.

Природно-климатические условия не способствовали скорому появлению на Русской равнине, скажем, в раннем Средневековье, сильного и устойчивого государства. В первую очередь, из-за сложностей транспортной связанности центра и окраин. И в XIX в. зачастую не хватало одной навигации, чтобы доставить груз с Белого моря или нижней Волги в центр страны.

Заметим, что балтийско-черноморский (с продолжением до Малой Азии и Ближнего Востока) и балтийско-каспийский (с продолжением до Южной и Восточной Азии) торговые пути функционировали на реках Русской равнины задолго до при-

снопамятного IX века. На Волге и Каме находят вещи, произведенные в далеких странах еще в бронзовом веке, и даже раковины-каури, начиная с I тыс. до н. э. — валюту Индийского океана и Южно-Китайского моря. На всем его протяжении находят клады арабского серебра — куфических монет — времен раннего Средневековья. В Прикамье были найдены обширные клады византийского и сассанидского серебра середины I тыс. н. э. А Балтийское море называлось Венедским. Между прочим, Россия по-фински до сих пор это Venäjä, страна венедов. И средневековые немцы называли славян вендами, Wenden.

Однако климатический оптимум IX–XII вв. сместил сроки замерзания рек Русской равнины и открыл балтийско-черноморский и балтийско-каспийский пути для более продолжительной навигации. (В то же время ныне ледяная Гренландия, как, скорее всего, и Шпицберген, представляли зеленой страной, а Ньюфаундленд был местом, где выращивался виноград.) Что совпало и с тем, что сарацины прервали торговое общение Европы с Византией через Средиземное море, в котором, кстати, одним из важнейших экспортных европейских товаров являлись рабы. О чем мы можем прочесть у одного из крупнейших исследователей раннего Средневековья Анри Пиренна¹.

Это естественно увеличило интерес к водным путям, проходящим через территорию Русской равнины, в том числе и у варварских сообществ на побережьях Балтийского и Северного морей.

Варвары двигались по воде. И если в Западной Европе, особенно в той части, что ранее относилась к античной Римской империи, они встречали густое население и множество населенных пунктов, которых не грех и пограбить, то на реках Русской равнины куда более редкое население, осваивающие дикий ландшафт с помощью подсечно-огневого земледелия (у славян) или хозяйства присваивающего типа (у угрофиннов),

¹ Пиренн А. Империя Карла Великого и Арабский халифат. Конец античного мира. М., 2011.

не ведущие жестокой конкурентной борьбы за ресурсы. Притом славян было сильно больше, чем угрофиннов, именно потому, что имели они производящее хозяйство и умели выращивать озимые, в их хозяйстве преобладает рожь, как культура неприхотливая к почвам и довольствующаяся невысокими температурами воздуха в вегетационный период. Славяне умели делать стеклянные бусы, которые шли на экспорт и в ту самую Скандинавию; они вполне вероятно использовались в качестве денег (так что никакие колонизаторы не смогли бы купить у них «Манхэттен» за бусы). А угрофинны добывали по лесам пушнину, мед, воск. Потом на лесной опушке общины обменивались продуктами труда — кому торбу с зерном, кому медовуха. Такая идиллия царила на территории Русской равнины не всегда, резались тут порой жестоко, но накануне создания Русского государства серьезных межплеменных столкновений не было.

Возникло бы государство на Русской равнине? Возникло бы и без внешнего толчка, но позже, как, скажем, у литовцев или тех же шведов. Но благодаря внешнему толчку это произошло в середине IX в. (плюс-минус несколько десятилетий), когда новая государственность стала быстро распространяться вдоль водных путей «из варяг в греки» и «из варяг в персы». А в историческом процессе срок имеет значение.

Почти 1200 лет назад на самый восточный берег Балтики, являющийся ближайшей точкой доступа в систему рек Русской равнины — вступила группа лиц, которая оказалась способна дать начало русскому государству.

Именно поэтому здесь, примерно через 850 лет, возник Санкт-Петербург, в роли столицы обширнейшего российского государства. Это место было беременно большим русским городом именно в силу своей пограничной географии. На границе климатических и природных зон. А затем и на границе цивилизаций.

С чувством законной гордости заметим, что зачатие русской государственности произошло на одном из низких островов невской дельты, где собственно и пишутся эти строки.